

УДК 316.42

С. Т. КАВЕЦКИЙ,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (БРЕСТ)

АНОМАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОСТЬ

В контексте объективных реалий представлена авторская позиция относительно аномальных состояний общественного развития. Генезис и современное положение общественных аномалий рассматриваются через призму аномии, отчуждения, социокультурной травмы, имитации, а также иных форм. Обозначены социальные последствия этих состояний. Сделан вывод о том, что субординационный ряд аномалий в большей или меньшей степени является производным от феномена аномии.

Ключевые слова: аномия; отчуждение; социокультурная травма; парадоксальность; имитация.

The article outlines the author's standpoint concerning anomalous states of public development within the framework of the existing circumstances. The genesis and current state of social anomalies are discussed through the prism of anomy, alienation, socio-cultural trauma, imitation and other forms. Outlined are the social consequences of such states. The author makes a conclusion that the subordination line of anomalies is a derivation of anomy to a greater or lesser extent.

Key words: anomy; alienation; socio-cultural trauma; paradoxicality; imitation.

Аномальные состояния общества имеют глубокие онтологические и гносеологические корни, а их раскрытие вызвано необходимостью рационализации периодически возникающего социального хаоса, изучения характерных и, что особенно важно, глубинных процессов, протекающих в обществе. Необходимость выхода из кризисных состояний всегда сопряжена со сложными, многофакторными, противоречивыми и болезненными процессами, осмысление которых требует широкого социофилософского анализа и выявления основополагающих закономерностей.

Переходное состояние постсоветского общества на рубеже XX и XXI вв. значительно ускорило преобразования в его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться отношения собственности и власти, перестраивается механизм социальной ориентации, идет интенсивная смена элит.

Глубокие и сложные процессы в современном белорусском обществе на рубеже веков – экономические изменения, трансформация социальной структуры, политические и духовные перемены, социальные конфликты и многие другие – происходили в период переходного состояния. Развал СССР и его последствия наложили глубокий отпечаток на все сферы общественной жизни Беларуси. Э. Дюркгейм отмечал, что «нормальное состояние общества должно характеризоваться развитым экономическим планированием и нормативной регуляцией трудовых отношений, осуществляемой производственными корпорациями. В данном случае он отождествлял нормальное с оптимальным, наилучшим» [1, с. 117].

Анализируя аномальные формы развития общества, Э. Дюркгейм сделал вывод, что таким моделям присуще состояние аномии. Он определил ее феномен прежде всего как отсутствие моральной регуляции поведения индивидов в определенных социальных условиях. Таким образом, французский

социолог выявил основу теории социальной аномии, дальнейшая разработка которой продолжалась в XX и начале XXI в. Подчеркнем, что задолго до появления в научном обиходе термина «аномия» феномен аномальных общественных, индивидуальных и коллективных состояний многие столетия находился в зоне пристального внимания самых разноплановых философских школ и направлений. По мере его исследования в философских науках ставились и по-разному решались такие проблемы, как дуализм души и тела, онтологические основания добра и зла, сущность свободы, противоречия общественной психологии и идеологии, источник деструктивных начал человеческой индивидуальности, общественный идеал, диалектика классовых и общечеловеческих ценностей, отчуждение и многие другие. Строгий научный анализ в понимании аномальных общественных явлений требует рассмотрения философских подходов к этому феномену [2, с. 16–39].

Теоретическая концепция аномии Э. Дюркгейма формировалась в контексте социальной ситуации XIX в. Важнейшей в творчестве социолога была идея социальной солидарности: взаимоотношения между индивидом и коллективом он рассматривает различая две формы солидарности, именуемые механической и органической. Механическая солидарность возникает вследствие сходства индивидов. «Будучи членами одного и того же коллектива, они похожи друг на друга, потому что испытывают одинаковые чувства, привержены одинаковым ценностям, признают одно и то же священным» [3, с. 316]. Органическая солидарность, т. е. консенсус, сплоченность коллектива, рождается вследствие дифференциации или объясняется ею. «Индивиды здесь не походят друг на друга; они различны, и в определенной мере именно потому, что они различны, достигается консенсус» [3, с. 316].

Нормальному состоянию общества соответствует «разделение труда, как нормальное явление» [3, с. 328]. Оно характеризуется нормативной регуляцией труда, развитым экономическим планированием. Но подобно всем социальным фактам разделение труда имеет и патологические формы, которые необходимо анализировать. При этом Э. Дюркгейм подчеркивает, что «изучение отклоняющихся форм позволяет нам лучше определить условия существования нормального состояния» [3, с. 328]. Он выделяет три формы изучаемого явления. «С первым случаем этого рода мы сталкиваемся в промышленных или торговых кризисах, банкротствах, являющихся частичными нарушениями органической солидарности» [3, с. 329]. Вторая форма – «антогонизм труда и капитала, еще более яркий пример того же явления» [3, с. 329]. Третья форма – это «наука, разорванная на множество детальных, но не соединенных между собой исследований, не образует уже единого целого» [3, с. 331]. Исправление этих аномальных форм в первую очередь зависит от деятельности государства и правительства. О. Конт пишет, что «общественное значение правительства, мне кажется, состоит главным образом в том, чтобы сдерживать и предупреждать, насколько это возможно, эту фатальную возможность к фундаментальному рассеянию идей, чувств, интересов, – неизбежный результат человеческого развития» [3, с. 332]. И второй аспект выхода из аномального состояния заключается в следующем: «что государство представляет собой для общества в целом, тем философия должна быть для науки» [3, с. 333]. Таким образом, речь идет о синтезирующем значении философии, о ее научно-прикладном характере.

Э. Дюркгейм на конкретных примерах анализирует разделение труда как источник солидарности общественного развития и его антиподов. Исследуя аномальное развитие, он приходит к выводу, что «разделение труда во всех этих случаях не производит солидарность, потому, что отношения органов не регламентируются, потому что они находятся в состоянии **аномии**» [3, с. 342]. Далее он пишет: «...но откуда берется солидарность? Так как совокупность правил есть определенная форма, которую со временем принимают отношения, устанавливающиеся стихийно между социальными

функциями, то можно сказать а priori, что **состояние аномии** невозможно повсюду, где солидарные органы находятся в достаточно тесном и продолжительном соприкосновении» [3, с. 342]. Это, по всей видимости, и есть первое упоминание термина **аномия** у Э. Дюркгейма [4, с. 56].

Теоретическая конструкция французского социолога формировалась в контексте условий XIX в. и не может быть отнесена к нашему времени без существенных поправок и модификаций. Из множества исследований выделяется подход Р. Мертона. В 1938 г. он опубликовал статью «Социальная структура и аномия», в которой предложил свое видение истоков распространения асоциального поведения. По Мертону аномия – результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями. Аномия возникает тогда, когда человек не может достичь навязанных ему целей «нормальными», им же установленными средствами. С одной стороны, от него требуют ориентировать свое поведение на накопление богатства, а с другой – ему почти не дают возможности сделать это институциональным способом. Р. Мертон выделяет пять идеально-типических реакций на аномию, которые характеризуют соотношение между целями и средствами как фазами социальной структуры: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж.

Особенности социологического измерения аномических процессов на постсоветском, постсоциалистическом пространстве делают возможным применение к анализу всего происходящего мертоновской социологической схемы. В этот трансформационный период широко проявляется девиация, т. е. массовое отклонение от существующих в обществе норм, что характерно для аномического развития. «Во всем мире произошло гигантское накопление эмпирических сведений о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др. Развитие девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных научных направлений внутри девиантологии. Диверсификация – нормальный путь развития науки» [5, с. 70]. Особый интерес современных социальных наук как на теоретическом, так и практическом уровне вызывает феномен так называемого аддиктивного (зависимого) поведения.

«Классификация нехимических поведенческих пристрастий на сегодняшний день имеет примерно следующий вид: азартные игры (гемблинг), зависимость от интернета, аддикция отношений: сексуальная, любовная, аддикция к трате денег, трудоголизм, состояние перманентной войны» [6, с. 94], а также синдром Тоада, или зависимость от веселого автовождения. Даже из приведенного перечня встречающихся сегодня проблем можно сделать вывод: зависимое поведение имеет базу не только для юридического и педагогического осмысления, что очевидно, но ставит серьезные проблемы для осмысления и перед психологами, культурологами, социологами.

Социологический анализ девиаций, проводимый в конце XX – начале XXI в. Центром социологических и политических исследований БГУ, демонстрирует широкий субординационный ряд девиантного поведения некоторых наших соотечественников. Так, например, употребление алкоголя белорусами имеет тенденцию к увеличению. По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, объем потребления спиртных напитков в 1995 г. составлял 6,7 л абсолютного алкоголя на душу населения, в 2005 г. – 9,4 л, в 2006 г. – 10,6 л, а в 2007 г. составил 11,6 л абсолютного алкоголя на душу населения (с учетом детей, стариков и убежденных трезвенников). При этом в соответствии с критериями Всемирной организации здравоохранения критическим является показатель потребления выше 5 л алкоголя на душу

населения в год [7, с. 189]. Несмотря на то что 91,3 % населения считает, что для поддержания здоровья важно отказаться от злоупотребления алкоголем, 12,4 % употребляют спиртное от двух до семи раз в неделю. Если в 2001 г. 21,3 % вообще не употребляли алкоголь, то в 2007 г. число таких сократилось до 13,3 % [7, с. 101].

С диагнозом «наркомания» в 2008 г. в Беларуси на диспансерном учете официально числилось 6907 больных. Кроме того, еще более 3 тыс. чел. состоят на учете как лица, употребляющие наркотические средства эпизодически [7, с. 194]. Конкурировать с употреблением наркотиков может разве что угон автомобиля: по результатам исследования в 2000 г. это преступление получило –3,97 балла и –4,07 балла в 2008 г., став действием, которое практически не имеет шансов быть оправданным общественным мнением Беларуси [7, с. 196].

Высоким остается уровень суицидальности. При этом, по мнению экспертов ВОЗ, если число самоубийств превышает 20 чел. на 100 тыс. населения, то это уже высокая суицидальная активность, а 30 суицидов на 100 тыс. населения – критический уровень. В нашей стране в 2007 г. этот показатель составил 27,4, а в 2008 г. – 27,5 случая на 100 тыс. населения. Причем среди лиц трудоспособного возраста показатель смертности от суицида превышает критический: в 2008 г. он составил 33,4 чел. на 100 тыс. трудоспособного населения [7, с. 196].

Аномические процессы характерны и для постсоциалистических стран Восточной Европы. В Польше уклад жизни широких слоев населения менялся быстрее и резче, чем в России и тем более в Беларуси. Реформа Бальцеровича аннулировала гарантии государства для госпредприятий, были проведены две административные реформы – реформа местного самоуправления и закон о поветах, все это в совокупности представляло собой явную децентрализацию. Метафора аномии неслучайна – польский народ с конца XVIII в. переживал не одну аномалию.

Анализируя трансформации в Польше, и не только современные, важно учитывать феномен религии. При этом необходимо прислушаться к мнению Е. Шацкого, который пишет, что «доходчивость и вечность религии в той или иной форме возникает от того, что индивидуум, лишенный моральной поддержки в обществе, теряет способность, возможности к нормальной жизни, а общество, неспособное к установлению контроля и опеки, стоит на грани распада. Такое состояние Э. Дюркгейм называл аномией» [8, р. 1321].

Материалы, в той или иной мере отражающие феномен социальной аномии, в современной отечественной и российской научной литературе встречаются сравнительно часто. Как правило, авторы, редко используя понятие аномии, с разных позиций и в различной интерпретации дают характеристику общественных состояний, имеющих ее явные признаки (Е. М. Бабосов, Н. А. Барановский, А. Б. Гофман, Я. И. Гилинский, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Кудрявцев, Н. И. Лапин, Н. Е. Покровский, Д. Г. Ротман, Г. Н. Соколова, Ж. Т. Тощенко и др.). Важно отметить, что после Э. Дюркгейма само понятие аномии совершенствовалось, однако все его оттенки не нашли отражения в предложенных определениях. При этом в советский период констатировалось, что «понятие аномии используется в исследованиях кризисных явлений в капиталистическом обществе, при анализе переходных общественных состояний» [9, с. 13]. Здесь же, в «Кратком словаре по социологии», аномия определяется как «термин, обозначающий различные виды нарушений в ценностно-нормативной системе общества» [9, с. 13]. А. Д. Ковалев в «Словаре западной социологии» подчеркивает, что «термин “аномия” ввел в социологию Э. Дюркгейм как часть своей историко-эволюционной концепции, опирающейся на противопоставление “традиционного” и современного промышленного общества» [10, с. 17]. Сам термин «аномия» определяется как «состояние общества, в котором заметная часть его

членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно» [10, с. 17].

Весьма характерно в этом плане определение аномии, данное И. И. Кальным: «Отношение индивида к нормам и духовным ценностям этого общества, в котором он живет и действует. Оно означает утрату норм и предписаний, отсутствие эталонов поведения, несоответствие между целями и возможностями их осуществления. Все это обуславливает конфликт, ощущение ничтожности, отклоняющегося поведения» [11, с. 183]. Таким образом, при всей значимости феномен аномии определяется в большей степени как морально-психологический термин.

В современной отечественной литературе, в частности в социологической энциклопедии под редакцией А. А. Грицанова, аномия трактуется как «философско-социологическое понятие, используемое для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулирующих отношений между индивидами и обществом императивов и правил приводит к тому, что большинство населения оказывается “вне” общества, вступая в конфронтацию с ним» [12, с. 52–53].

В словаре юридической психологии В. В. Мицкевич объясняет аномию в большей степени с юридико-психологических позиций как «обуславливаемое социально-экономическими трансформационными явлениями нравственно-психологического состояния, индивидуального и нравственного сознания, характеризующее снижением и утратой значимости социальных ценностей, этических и культурных норм престижа права. На личностном уровне аномия выражается в отчужденности человека от общества, апатии, разочарованности в жизни, проявлении индивидуальных психологических установок на внутреннее неприятие закона, что в итоге, в случаях массового проявления, может повлечь дестабилизацию социальных процессов в обществе, развитие беспорядков, дезорганизацию и угрозу национальной безопасности» [13, с. 456].

Более системно термин «аномия» анализирует Е. М. Бабосов, определяя ее как «социально-психологическую ситуацию, когда одна или более личностей не могут интегрироваться со стабильными основными институтами общества, что приводит к отрицанию наиболее значимых норм доминирующей культуры и социальным отклонениям, к девиации» [14, с. 456]. В «Социологической энциклопедии» ученый определяет аномию как «состояние общества, в котором значительная часть граждан знает нормативные (юридические, моральные, эстетические и др.) стандарты поведения, а также доминирующие в нем убеждения, но не считается с ними и не подчиняется им в своих поступках» [15, с. 20]. Важным является также вывод Е. М. Бабосова о том, что одной из причин развала СССР стала «крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил» [14, с. 21].

Можно сделать вывод о том, что определение аномии должно включать в себя базовую основу согласно Э. Дюркгейму, социофилософскую, социопсихологическую, социокультурную и социоправовую составляющие. **Аномия** (от фр. *anomia* – отсутствие закона, организации) – состояние общественно-го сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к распространению разного рода социальных девиаций [16, с. 132].

В деятельности люди самовыражают себя и утверждают свое место в мире как существа общественные. Отчуждение человека от процесса труда, продукта труда, своей родовой сущности и другого человека приводит к тому, что жизнь подменяется имитацией жизни. Истоки понятия отчуждения обнаруживаются уже в древнегреческой философии. В диалоге «Тимей» Платон обращает внимание на создание мира, когда «Бог творит мир как некое состояние “не-я”, отчуждая от себя мир человека и человека мира» [17, с. 106].

У Аристотеля отчуждение носит более приземленный характер. Оно связано с функционированием государства как общения свободных людей, объединенных в самодовлеющее целое, и означает исключение или передачу из этого целого собственности, которая должна быть общей только в относительном смысле, а вообще – частной. Философ высказывает мысли о положительном характере частной собственности, о том, что она обеспечивает суверенность человека, является условием его самовыражения. Через собственность индивид вступает в отношения с обществом [17, с. 180–205]. Идеи Аристотеля были надолго преданы забвению в последующий период развития общества, когда на место философии приходит религия, светские проблемы обретают религиозный характер.

Аврелий Августин обратился к этико-социальным воззрениям, основывающимся на антитезе Божьей благодати (добра) и греховной природы человека (злой воли). В эпоху Возрождения отчуждение рассматривается уже в связи с обоснованием земного предназначения человека. По отношению к природе человек становится чем-то внешним. Чем больше нарастают предпосылки индустриального общества, тем настойчивее философия рассматривает внешний мир как помеху, противостоящую человеку и ограничивающую его деятельность. Своей деятельностью он не ослабляет, а только усиливает механизм отчуждения. «В эпоху Возрождения, как и в предыдущих случаях, отчуждение употребляется еще и в метафорическом значении, хотя отрицание отчуждения связывается уже не с Богом, а с разумом человека» [11, с. 10].

В эпоху Нового времени отчуждение обретает земное назначение и получает философскую интерпретацию в разных формах: метафорическую – у Ф. Бэкона; юридическую – у Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка; метафизическую – у И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля; антропологическую – у Л. Фейербаха, А. Сен-Симона.

Карл Маркс значительно актуализирует понятие отчуждения, наполняет его новым смысловым содержанием, истолковывая предметную суть данного явления как проблему фактического социального положения конкретных индивидов. В соответствии с европейской традицией гуманизма в центре внимания теории отчуждения К. Маркса – проблема дегуманизации человека в условиях формирования «чуждой воли». Отказавшись от признания разума в качестве специфической характеристики человека, он рассматривал его сущность прежде всего в практической социальной деятельности. Главным детерминирующим фактором процесса отчуждения, по К. Марксу, являются социальные условия, основанные на частной собственности, эксплуатации, угнетении человека человеком при господстве антагонистических общественных отношений. Сам труд становится вынужденным, принудительным, он не является потребностью человека, а служит лишь средством удовлетворения потребностей других. По мнению К. Маркса, такой труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание, тем более что такой труд принадлежит не ему, а другому, потому и сам человек не может себе принадлежать. И только вне труда индивид чувствует себя самим собой, не оторванным от себя. К. Маркс отмечает: «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д. – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [18, с. 230–231].

Несмотря на известную гиперболизацию К. Марксом роли социальных отношений в стабильном функционировании общества, его теория отчуждения вносит неоспоримо весомый вклад в осмысление деструктивных общественных процессов вообще и процессов, связанных с аномией, в частности. При этом отчуждение является частной составляющей аномии.

Практика социализма показала, что обобществление средств в определенной мере освобождает человека труда. Но выяснилось и то, что само по себе упразднение частной собственности автоматически не исключает отчуждение. Считалось, что отчуждение – это проблема только капитализма, в условиях социализма ее быть не может, ибо ведущая тенденция развития – расцвет общества и достижение его социальной однородности в рамках полного благополучия. Но практика оказалась другой. В 1930-е гг. шло становление и утверждение административно-командной системы, а вместе с ней осуществлялся процесс отчуждения человека в самых одиозных формах его проявления, включая отчуждение от самой жизни. В экономической области это отчуждение от собственности. Наглядным примером данного явления в политической сфере стали выборы в Верховный Совет СССР в 1937 г. По сведениям избирательной комиссии, на выборы пришло 99,9 % избирателей и за блок коммунистов и беспартийных проголосовало 99,9 % пришедших на избирательные участки, в духовной сфере господствовало единомыслие.

При рассмотрении проблемы отчуждения открывается возможность раскрытия причин трудностей постсоветского и современного белорусского общества. Отчуждение присуще как обществу развитого социализма, так и индустриальному, постиндустриальному. Оно характерно и для трансформационного постсоветского общества. В экономической области это олигархический его уровень в России и на Украине, в других странах это жесткое государственное регулирование. В политической сфере это предвыборные и выборные скандалы, давление толпы или так называемые «цветные революции». В духовной сфере это коммерциализация культуры, зависимость людей культуры и науки от фондов, грантов, чиновников, меценатов и т. д.

Для общества опасность представляет не любое отчуждение, что до конкретных пределов является вполне естественным процессом общественной жизни, а уровень, при котором деятельность человека и его творения противостоят человеку как чуждая и враждебная сила, довлеющая над ним и диктаторски определяющая его поведение. Это тотальное отчуждение. Оно парализует нормальную жизнедеятельность общества, лишает индивида права на деятельность как творческое самовыражение и может привести к общенациональному кризису, что происходит на Украине с конца 2013 г. Поэтому, чтобы ослабить, а затем упразднить тотальное отчуждение, нужны усилия всего общества и каждой отдельной личности.

Таким образом, отчуждение можно определить как «отношения между социальным субъектом и какой-либо социальной функцией, складывающиеся в результате разрыва изначального единства, ведущего к объединению природы субъекта и изменению (извращению, перерождению) природы отчужденной функции, а также сам процесс разрыва этого единства» [10, с. 252]. При этом подчеркнем, что отчуждение является частной составляющей аномии.

Среди аномальных явлений постсоветского постсоциалистического общества особое место занимает концепция социокультурной травмы.

«Социально-культурная травма – внезапный, трансформационный, непредвиденный процесс в обществе при определенных исторических условиях. Возможности травмы проявляются, когда возникает дезорганизация, несогласованность, в результате чего деформируются ключевые компоненты культуры – ценности, верования, нормы общества» [2, с. 212].

Так, президент Международной социологической ассоциации (2002–2006) П. Штомпка ведет речь, в частности, о концепции социальной травмы, позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований. Травматическая ситуация возникает из состояния напряжения, связанного с конкретными социальными изменениями. П. Штомпка дает примерный список социальных изменений, потенциально способных

вызывать травматические события: «революция (удавшаяся или нет), государственный переворот, уличные бунты; крах рынка, кризис фондовой биржи, радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т. п.), иностранная оккупация, колониальное завоевание, принудительная миграция или депортация, геноцид, истребление, массовые убийства, акты терроризма и насилия, религиозные реформации, новое религиозное пророчество; убийство президента, отставка высшего должностного лица, разоблачение коррупции, правительственный скандал, открытие секретных архивов и правды о прошлом, ревизия героических традиций нации, крах империи, проигранная война» [19, с. 9–10].

Если рассматривать составляющие социотравматической ситуации в Беларуси, то они в разной степени охватывают все стороны общественной жизни. В экономике после развала СССР разрушились хозяйственные связи, дефолт российского рубля в 1998 г. пагубно повлиял на экономику союзной страны, цены на нефть и газ постепенно движутся к мировым. Нельзя не назвать планетарный финансовый кризис 2008 г., а также валютный катаклизм в Беларуси в 2011 г., финансовые потрясения в России в 2014 г. Все эти события повлияли и влияют на смешанную экономику Беларуси, где преобладающей является государственно-капиталистическая форма собственности. Согласно региональным социологическим опросам 2000 и 2005 гг. существует ряд наиболее серьезных экономических проблем, с которыми сталкивалось население в повседневной жизни (табл. 1).

Таблица 1

Экономические проблемы населения Беларуси (2000–2005)

Наименование проблемы	Год, в %	
	2000	2005
Повышение цен	79,7	82,1
Несвоевременная выплата заработной платы	23,4	11,4
Полная или частичная безработица	22,3	27,9
Зарплаты хватает только на еду	38,6	42,8
Стоимость коммунальных услуг	–	63,5
Высокие налоги	–	30,7

Глубокий анализ социально-экономической ситуации в Беларуси с позиции культурной травмы, проведенный профессором Г. Н. Соколовой, позволил сделать вывод, «что возможны три типа социальных травматических симптомов» [20, с. 37]. Во-первых, это демографический уровень. С середины 1990-х гг. в Республике Беларусь происходит ухудшение демографической ситуации. С 1993 г. смертность в стране превышает рождаемость: 1993 г. – на 11 тыс. чел.; 1994 г. – 19 тыс. чел.; 1995 г. – 30 тыс. чел.; 1996 г. – 46 тыс. чел.; 1997 г. – 78 тыс. чел.; 2000 г. – 41 тыс. чел.; 2001 г. – 31,5 тыс. чел.; 2007 г. – 24 тыс. чел.; 2008 г. – 18 тыс. чел. И если численность постоянного населения Республики Беларусь по переписи 1999 г. составила 10,045 млн чел., то в 2009 г. – 9,504 млн чел. Уменьшение населения за 10 лет на 541 тыс. чел. ставит вопрос о демографической безопасности страны [2, с. 130–131]. Тенденция снижения численности населения Беларуси сохранялась и в 2014 г.

Во-вторых, травма деформирует социальную структуру. Социальная структура современного белорусского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. Идет активное размывание грандиозных групп населения, становление новых видов межгрупповой интеграции по формам

собственности, доходам, вхождению во властные структуры, социальной самоидентификации. В условиях трансформирующегося общества наблюдается процесс изменения сложившейся в нем структуры, которая распадается на несколько относительно независимых друг от друга измерений. Таким образом, социальная структура современного белорусского общества представлена остатками старых форм, элементами новой фазы, а также переходными формами и отношениями.

Проведенные под руководством автора в феврале 2005 г. конкретно-социологические исследования в г. Бресте (выборка 300 респондентов по полу, возрасту, социальному статусу, образованию) показали, что в зависимости от самоидентификации, социального статуса, семейного положения, а главное, от доходов респонденты относят себя к определенным социальным группам (табл. 2).

Таблица 2

Социальные группы, к которым отнесли себя респонденты, г. Брест, 2005 г.

Наименование социальной группы	Процент опрошенных
Богатые	1,4
Состоятельные	5
Среднеобеспеченные	25,9
Малообеспеченные	37,1
Бедные	24,2
Ниже черты бедности	6,4

Критерии дохода брестчан следующие: богатые – более 3 тыс. долл. в месяц на душу; состоятельные – от 3 тыс. долл. до 250 долл. в месяц; среднеобеспеченные – от 250 до 150 долл. в месяц без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей; малообеспеченные и бедные – 150–70 долл.; ниже черты бедности – 60 долл. и менее.

«Третье проявление травмы – в области культуры. Вследствие радикальных социальных изменений травматические события проявляются в ней своеобразно, нарушая мир символов. При этом ценности теряют значимость, нормы нарушаются и перестают быть ориентирами, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений» [20, с. 41].

Совладание с культурной травмой – сложный процесс. Есть разные стратегии ее нейтрализации, модели активной адаптации к ней. В этой ситуации важна мысль Г. Н. Соколовой о том, что «эволюционные изменения в белорусском обществе стабилизируют травматическую ситуацию, но не создают достаточных вызовов для адекватных ответов со стороны населения» [20, с. 41].

Аномальные формы общественного развития в конце XX – начале XXI в. исследовались член-корреспондентом РАН Ж. Т. Тощенко. Это такие феномены трансформационного периода, как парадоксальность, имитация и др. «В настоящее время, – пишет Ж. Т. Тощенко, – все чаще приходится встречаться с новым классом парадоксов, когда люди неосознанно, не по злому умыслу олицетворяют удивительнейший феномен: в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и то же время и прямо противоположных направлениях» [21, с. 398]. Этот феномен подтверждается в исследованиях белорусских социологов А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана, Л. Г. Титаренко [22, с. 96–107].

Еще один феномен действующих социальных процессов – имитация, отражающая подмену деятельности во всех ее проявлениях и на всех уровнях

организации социума – федеральном, региональном и местном, охватывающих сферы политики, экономики, культуры, социальной жизни. Используя смысловое значение имитации через ее определение как подделки, правдоподобия, Ж. Т. Тощенко анализирует причины, условия возникновения, формы и методы имитации, механизмы ее появления и использования. Сущность предлагаемых форм имитации – демагогия, провокация, фальсификация, профанация, манипулирование, иллюзия, перформанс. «Этот процесс выражается и в социологических терминах. Данные Института социологии и Института социально-политических исследований РАН дают обобщающую картину имитации всего и вся в современном российском обществе. Во-первых, 37 % часто и 48 % иногда испытывают стыд за состояние страны; во-вторых, 46 % часто и 46 % иногда чувствуют несправедливость происходящего вокруг. В-третьих, 45 % убеждены, что государство защищает интересы богатых, 43 % – интересы государственной бюрократии и только 1 и 9 % – соответственно интересы бедных и средних слоев» [23, с. 46–56].

Следствие имитационных процессов многогранно. Отметим, что от 39 до 46 % респондентов в России считают, что этот аномальный процесс ведет к лжепредпринимательству, рейдерству, т. е. захвату чужой собственности. Это удел узкого круга лиц, приобщенных к политической власти, олигархическим и криминальным структурам. В 2013 г. была предпринята попытка рейдерского захвата Беларуси одной из таких олигархических групп.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что аномия, квинтэссенцией которой является безнормие, сама стала нормой современной жизни. В силу этого С. А. Кравченко предлагает концепцию «нормальная аномия», под которой понимается «расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» [24, с. 3–10].

Феномен анализируемых аномалий – отчуждения, социокультурной травмы, парадоксальности, имитации и др. – в большей или меньшей мере представляет собой производное от процесса аномии. Степень аномичности постсоветских государств, в том числе Беларуси, является высокой и охватывает все сферы общественной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Елсуков А. Н.* История социологии / под общ. ред. А. Н. Елсукова [и др.]. Минск, 1993.
2. *Кавецкий С. Т.* Аномия: истоки и современность. Брест, 2010.
3. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М., 1990.
4. *Кавецкий С. Т.* Концепция аномии Э. Дюркгейма и современное развитие // Социология. 2008. № 1.
5. *Гилинский Я. И.* Социология девиантности // Социолог. исслед. 2009. № 8.
6. *Ботух Л. М.* Нехимические поведенческие пристрастия // Социология: традиции и современность : сб. материалов Междунар. науч.-теорет. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма (Брест, 18–19 апр. 2008 г.) ; редкол.: Е. В. Скакун, С. Т. Кавецкий. Брест, 2008.
7. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск, 2009.
8. *Szacki J.* Historia myśli socjologicznej. Wydanie nowe (6 dodruk). Warszawa, 2002.
9. Краткий словарь по социологии. М., 1989.
10. Современная западная социология : словарь. М., 1990.
11. *Кальной И. И.* Отчуждение: истоки и современность. Симферополь, 1990.
12. Социология : энцикл. / сост.: А. А. Грицанов [и др.]. Минск, 2003.
13. *Мицкевич В. В., Бородич А. И.* Словарь-справочник основных терминов, понятий и определений юридической психологии. Минск, 2013.
14. *Бабосов Е. М.* Прикладная социология. Минск, 2000.
15. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003.
16. *Кавецкий С. Т.* Э. Дюркгейм о социальной солидарности и аномии // Социолог. исслед. 2013. № 5.
17. Антология античной философии / сост. С. В. Перевезенцев. М., 2001.
18. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // Социология : сборник. М., 2000.

19. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социолог. исслед. 2001. № 2.
20. Соколова Г. Н. Социально-экономическая ситуация в Беларуси с позиции «культурной травмы» // Социолог. исслед. 2010. № 4.
21. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001.
22. Титаренко Л. Г. Парадоксальный белорус: противоречия массового сознания // Социология. 2003. № 3.
23. Тощенко Ж. Т. Новые лики деятельности: имитация // Социология. 2013. № 2.
24. Кравченко С. А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социолог. исслед. 2014. № 8.

Поступила в редакцию 25.09.2013.

УДК 821(100).09

М. А. ТЫЧЫНА,
ДОКТАР ФІЛАЛАГІЧНЫХ НАВУК (МІНСК)

САЦЫЯЛОГІЯ ЛІТАРАТУРЫ ЯК ЧАСТКА САЦЫЯЛОГІІ ВЕДАЎ: ПРАБЛЕМА ДЭМАРКАЦЫІ МЕЖАЎ

Исследуется положение современной социологии литературы как части социологии знаний в рамках изучения культурной парадигмы. Разрабатываются принципы социологической проблемы рецепции и оценки вариантов, описанных в эксперименте. Формируется концепция развития социологии литературы и подчеркивается современное положение человека как субъекта эстетики в социологии знаний, дается оценка информативной природы литературы и искусства.

Ключевые слова: социология литературы; социология знаний; теоретический аспект; направления и тенденции; коммуникативные стратегии; человек как субъект эстетики; информативная природа литературы.

The state of modern sociology of literature as part of sociology of knowledge is studied within the cultural paradigm; the principles of perception and evaluation of versions described in the experiment are worked out; the conception of development of sociology of literature is formed and the position of man as a subject of esthetics, in sociology knowledge is defined; the information nature of literature and art is given estimation to.

Key words: : sociology of literature, sociology of knowledge, theoretical aspect, directions and tendencies, communicative strategies, man as a subject of esthetics, information nature of literature.

Узаемадзеянне і ўзаемаўплыў сацыяльных і гуманітарных дысцыплін у апошнія дзесяцігоддзі набылі асаблівы статус. Несумненна, на гэты прыкметны ў акадэмічнай і ўніверсітэцкай навуцы працэс не ў апошнюю чаргу ўплываюць і новыя навукова-тэарэтычныя веды.

Навідавоку і звалюцыя тэарэтычных падыходаў у сацыялагічных даследаваннях сучаснай беларускай літаратуры. Да глыбока асэнсаванага працэсу ўзаемадзеяння мастацкай літаратуры і грамадскага жыцця далучаецца імкненне асэнсаваць ролю сацыяльнай арганізацыі літаратурнай сістэмы, дзе асаблівае месца займае трыяда: Аўтар – Тэкст – Чытач. Прычым традыцыйнае з часоў еўрапейскага рамантызму ўнікальнае месца ў літаратурна-мастацкім працэсе Аўтара перахоплівае асоба Чытача. І калі раней актуальная сацыялагічная праблематыка зводзілася да гучнай фармулёўкі: «Вялікая Літаратура чакае свайго Вялікага Чытача», то сёння яна патрабуе ўдакладнення: «Вялікі Чытач жыве чаканнем Вялікай Літаратуры».

Асаблівае значэнне ў сучасных умовах набываюць менавіта літаратурныя веды, якія яшчэ нядаўна ўспрымаліся як нешта само сабою зразумелае і цалкам даступнае. Прынамсі, паняцце «веды» ўжывалася шмат разоў, калі размова закранала сферу навукі, культуры, адукацыі, выхавання. Пры гэтым увагай абміналася пытанне: а што наогул азначае слова «веды», якое на беларускай мове невыпадкова ўжываецца толькі ў множным ліку як сведчанне рэальна існуючай шматстайнасці відаў сацыяльных і гуманітарных ведаў? Глыбінны аналіз сапраўдных перадумоў узнікнення новых ведаў у галіне сацыялогіі літаратуры дае магчымасць вылучыць тры галоўныя тыпы навуковых падыходаў: філасофска-тэарэтычны, мовазнаўча-літаратуразнаўчы, сацыялагічна-стратэгічны. Сацыялагічны напрамак у сферы літаратуразнаўства